

Проблемы самоопределения исламских организаций в Кыргызстане

В. Хамисов

ученый секретарь МИСИ,
председатель РГ УКЦА ПРМ Консорциума

Самоопределение исламских общин, как религиозных организаций.

Самоидентификация мусульман Кыргызстана предполагает целостность социокультурных оснований. Она - часть процессов самоопределения кыргызстанцев.

Исламское возрождение после обретения независимости развивается вширь. Кыргызы — в основном сунниты ханафитского мазхаба. Возвращение к истокам ислама подразумевает обращение к ранним моделям, которые формировали социальный образ вполне определенного типа. По М. Веберу, ислам — это религия воинов-завоевателей, членов рыцарского ордена борцов за веру. К. Поппер уточняет, что с точки зрения социологии, ислам — это сословно организованная военная религия. Именно указанные черты - воинственность, рыцарский аскетизм, возможность образования орденой закрытой организации — привлекают умы молодежи. По данным госкомиссии по делам религий 80% населения — приверженцы ислама. Больше половины из них составляют кыргызы, 15% - узбеки. Остальные - уйгуры, дунгане, казахи, татары, башкиры, турки, чеченцы,

даргинцы и т.д.¹

Противоречия религиозной и этнической идентичности преодолеваются за счет расширения переводов Корана. В городе Кара-Су создан единственный в Центральной Азии Центр изучения Корана. Здесь представлены тексты на 70 языках мира. В Иране представлен перевод Корана на 80 языков мира. Коран издан на уйгурском, казахском, туркменском языках, на русском языке в переводе Богуславского. Наблюдается сильный количественный рост религиозных организаций.

В 1991 году было 39 мусульманских мечетей. Сейчас их 1225.

Относительно новое явление - религиозные радикалы 90-ых годов. Оно производно от внешней среды региона, от экспансионистской антиисламской политики, и изнутри зависит от репрессивных действий отдельных государств. Отсюда проблемы исламской мобилизации и роста экстремизма.

В Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии экстремистские организации можно квалифицировать по определенным признакам. Их типология строилась по признакам "правые" и "левые". Иное дело в Централь-

ной Азии: здесь нет чистых форм, а наблюдается сложное переплетение различных видов.

На наш взгляд, чтобы разобраться в этом сложном клубке понятий об экстремизме, нужно вначале выстроить два этажа понимания. Споры и дискуссии чаще всего ведутся на первом этаже. Здесь определились два лагеря. Первый отражает позицию священнослужителей и людей, глубоко верующих. Второй — позицию ученых, пытающихся дать объективную оценку политическим явлениям. Здесь происходят бурные диалоги, поскольку сталкиваются два мировоззрения: научное и религиозное.

Но есть и второй этаж явления. Он связан с растущим транснациональным пространством, которое пытается занять радикальный ислам. Это виртуальное пространство современных коммуникаций, связи, СМИ и, главным образом, интернета. Такое пространство обладает глобальными характеристиками мировых связей и социокультурным содержанием, привносимым в него 21 веком. Пространство располагает своим целеполаганием, оперирует новыми смыслами и категориями антиглобализации². На этом уровне бессмысленно спорить,

¹ Жоробеков Ж. Религиозная политика Кыргызстана в транзитный период. Бишкек, 2000.

The Problem of Self-determination of Islamic Organizations in Kyrgyzstan

Viacheslav Khamisov

Academic Secretary of the International Institute of Strategic Studies under the authority of the President of Kyrgyzstan, Chairman of the International Working Group on Crisis Management in Central Asia, established by the Partnership For Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes.

Self-determination of Islamic communities as religious organizations.

The entirety of certain social and cultural preconditions should precede the process of self-identification of Muslims in Kyrgyzstan. This search for religious identity is an indivisible part of self-determination processes in Kyrgyzstan.

The Islamic recovery in post-independence times is expanding. The overwhelming majority of the Kyrgyz are Sunnis adhering to the Hanafi Mazhab. The return to the roots of Islam is a return to the earlier patterns, which have shaped a special prototype of the societal idiosyncrasy of this religion. According to M. Weber, Islam is the religion of warriors and conquerors, forming Orders of Knights fighting for their faith. K. Popper goes even further by stating that from the sociological point of view, Islam is a socially stratified military religion. It is the above-mentioned features, militant spirit, ascetic principles of knighthood, and the possibility to establish closed Orders that attract the younger generation. According to the data provided by the State Com-

mittee on Religious Affairs, 80% of the population worship Islam. The majority of them are Kyrgyz and 15% are Uzbek. The rest are Uygur, Dungan, Kazakh, Tatar, Bashkir, Turkish, Chechen, Dargin etc.¹

The discord between religious and ethnic identities is overcome through distribution of translations of the Koran. A unique Center for the Study of the Koran was established in the city of Kara-Su. There are original texts in 70 languages in this Center. Iran has texts of the Koran translated into 80 languages in its depositaries. The Koran is published in the Uygur, Kazakh, Turkmen languages, and is translated into Russian by Mr. Boguslavski. One can notice that the number of religious organizations is being significantly increased. There were only 39 Muslim mosques in 1991. Now their numbers went up to as many as 1,225.

The emergence of a radical branch in religious movement in the 90s is a relatively new phenomenon. This was provoked and triggered by external factors, i.e. by the expansionist anti-Islamic policy and is dependent on the scale and magnitude of repres-

sive measures each country takes against this radical element domestically. This is what gives birth to Islamic mobilization and extremism.

In Western Europe, the Middle East and South-East Asia extremist Islamic organizations can be classified according to certain characteristic features. Their type is decided upon the principle of whether they belong to the "left wing" or the "right wing". Central Asia is a different case, for it does not have clear-cut definite types, but rather a mixture of them.

We believe that in dealing with the complex notion of extremism, one should pass through two cognitive levels. Debates and discussions are most often held at the first level. There are two camps in these debates. The Muslim clergy and the ardent believers belong to the first camp, while scholars who try to give an objective evaluation to political processes represent the second. Most stormy and heated debates are waged here, for it is the juncture where religion and science clash. But there is also the second level of cognition. It deals with the expanding transnational space, which Islam is

¹ Zhorobeckov Zh. *Religious Policy in Kyrgyzstan in Transition Period*. Bishkek, 2000 (in Russian).

что лучше - религия или атеизм. И то, и другое органически вплетаются в измененную картину мира. Не замечать этого значит способствовать эволюции политизации процессов по схеме: исламский фактор — исламский фундаментализм — исламский радикализм — исламский экстремизм. Причем явление не ограничивается узкими национальными рамками. Следовательно, меры предупреждения и управления конфликтами также должны быть транснациональными.

В ряду таких явлений — реинкарнация партии "Хизб-ут-Тахрир" в Центральной Азии. Рост ее влияния в ЦА не сравним с влиянием на арабском Востоке. Специфическое место мобилизации — Ферганская долина. Пограничные группы радикальных религиозных организаций: "Нур", "Товба", "Ислом лашкарлари", "Исламское движение Узбекистана"³. В Кыргызстане представлен почти весь спектр исламских организаций ЦА.

Распространению радикализма препятствуют традиции ислама в Центральной Азии. В республике действуют тридцать восемь медресе и восемь исламских институтов. За рубежом во Всемирном университете "Аль-Азкар", в Турции, в Пакистане, в Сирии и в Кувейте обучается до 277 человек⁴. В Оше действует Ассоциация религиозных учебных заведений. Есть две газеты: республиканская - "Ислам маданияты" (Бишкек) и областная - "Мусульманин"

(Джалал-Абад).

Конфессиональная идентичность реализуется через приобщение к исламской культурной традиции. Для более глубокого анализа необходимо вывести несколько социумных уровней формирования идентичности: личностный, национальный, региональный и глобальный.

Мало изучен в свете событий 11 сентября именно глобальный уровень. Он зачастую подается односторонне, без анализа процессов антиглобализации - и наоборот: много внимания уделяется исламскому фактору вне органической связи с установлением нового мирового порядка.

Можно рассуждать о корыстной заинтересованности государств Центральной Азии в сотрудничестве с зарубежными мусульманскими странами, видеть в этом в первую очередь дипломатическую игру или напротив - искреннее к нему тяготение. Во всяком случае, Центральная Азия отождествляет себя с миром так же, как с мусульманским миром, который, в свою очередь, несмотря на известные колебания, приз-

нает ее своей составной частью.

Однако и для мусульманского мира и для ЦА транснациональный характер угроз и современные сетевые формы организации действий религиозных экстремистских организаций остаются серьезной проблемой. Существуют проблемы амбивалентности (как верующих и как граждан) позиции мусульман республики, участия в переделе сфер влияния. Пограничная с политикой деятельность исламских радикальных религиозных организаций является наиболее острой проблемой. Сделанное в марте 2002 года заявление ДУМ Кыргызстана по поводу деятельности христианских сект выявило межконфессиональные трения, связанные с переделом сфер влияния в республике. 15 тысяч кыргызов перешли в христианство. В Сузакском районе Джалал-Абадской области пятьсот односельчан выступили против восьми семей, принявших веру евангелистов⁵. К сожалению, эти факты сильно политизируются разными субъектами общественного мнения, в том числе и СМИ.

Возможен ли диалог общества с религиозными организациями? Колебания политики в области религии.

Ограничения религиозной свободы во имя национальной безопасности имеют вполне определенные временные рамки, связанные с агрессией международных террористов на

² Хамисов В. О проблемах религиозного экстремизма в Кыргызской части Ферганской долины. Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии. Алматы, 2001.

³ Молдалиев О. Религиозный экстремизм и международный терроризм, как факторы дестабилизации Центральной Азии. Рабочая группа по ЦА. Алматы, 2001.

⁴ Справочник по религиозным фондам, учебным заведениям, прошедшим учетную регистрацию. Бишкек, 2001.

trying to fill. It is a virtual reality space created by sophisticated modern means of communication, information networks, mass media, and last but not least, the Internet. This space is filled with social and cultural contents and reflects global connections among world processes, brought in by the 21st century. Yet this space defines the set of its own goals and objectives, and operates with new notions and categories of anti-globalization.² At this level there is no sense in debating what is better, religion or atheism? Both are organically interwoven into the canvas of the changing world. If this reality is ignored, then it becomes a stimulus for and leads to the following politicized formula: Islamic factor-Islamic fundamentalism-Islamic radicalism- and eventually- Islamic extremism. It is noteworthy that this phenomenon spreads above and beyond national boundaries. Therefore, conflict prevention and management measures should be transnational as well.

The reincarnation of "Hisbut-Tahrir" party should be viewed within the context mentioned above. The growth of its influence in Central Asia is incomparable with the same phenomenon in the Arab countries. The center of its activity and concentration is the Fergana valley. The border district's radical religious organizations are "Nour", "Tovba", "Islam Lashkarlari" and "The Islamic Movement of Uzbekistan".³ The whole diverse spectrum of Islamic organizations

of Central Asia is represented in Kyrgyzstan.

The traditions of Islam in Central Asia are a natural barricade against the penetration and spread of radicalism in this region. Thirty-eight madrasahs and eight Institutes of Islam currently operate in Kyrgyzstan and 277 students from the republic study abroad - in the International University of Al-Azkar in Turkey, as well as in Pakistan, Syria and Kuwait.⁴ There is an Association of Religious Education Institutions in the city of Osh. There are two religious newspapers one of which, "Islam Madaniyati" (published in Bishkek), is national and the other one, "A Muslim" (published in Jalal-Abad), is local.

Denominational identity is realized through the study of Islamic cultural tradition. A more thorough research demands an analysis of various societal levels where this identity is being shaped, such as personal, national, regional and global.

In the light of the events of the 11th of September, the global level is least investigated. It is often presented one-sidedly, without the study of anti-globalization processes, whereas an

exaggerated attention is paid to the Islamic factor, isolated from the organic connection of these events with the establishment of the new world order.

One can dwell and capitalize upon the self-seeking nature of the interest the Central Asian republics show to cooperate with the Muslim countries and the diplomatic game behind it. But it is no less justified to perceive this interest as a sincere longing. In any case Central Asia identifies itself with the world at large just as it feels itself a part of the Muslim world, which in its turn, despite certain hesitation, sees Central Asia as its indivisible part.

But for both Central Asia and the Muslim world the transnational character of the threats and modern sophisticated network of extremist religious organizations constitute a serious problem. There are problems of ambivalent mode of conduct of Muslims (as believers and civilians) in Kyrgyzstan when it comes to the sphere of influence in the life of the country. The para-political activity of the radical religious organizations is a burning problem for the republic. The statement made by the Department of Muslim Affairs of Kyrgyzstan (DMAK) on the activity of certain Christian Sects exposed inter-denominational tensions, which are connected with the change of the sphere of influence within the country. Fifteen thousand Kyrgyz chose to be converted to Christianity. In the Suzak district of the region of Jalal-

2 Khamisov V. *On the Problems of Religious Extremism in the Kyrgyz Part of Fergana Valley Problems of Religious Extremism in Central Asia. Alma-Ata, 2001 (in Russian).*

3 Moldaliev O. *Religious Extremism and International Terrorism as Destabilizing Factors in Central Asia. CA Working group, Alma-Ata, 2001 (in Russian).*

4 *A Guide to the Registered Religious Funds and Educational Institutions. Bishkek, 2001 (in Russian).*

Юге Кыргызстана. Наступление на религиозный радикализм было вызвано требованиями силовых структур по ужесточению статей Уголовного Кодекса и внесению до-полнений репрессивного характера в действующий Закон.

Но после прекращения агрессии и разгрома талибов мотивации укрепления национальной безопасности, к сожалению, сохранились. Тенденция к ограничению религиозной свободы проявляется, например, в деятельности Госкомиссии по делам религий. Она настаивает на ужесточении режима регистрации религиозных организаций. Отдельные СМИ называют незарегистрированные организации нелегальными, что не совсем верно. Это так называемая "серая зона", которая не подпадает ни под одну статью действующего законодательства.

В документах о религиозных организациях допускаются перекосы.

В проекте Концепции государственной политики в отношении религий и религиозных организаций дано историческое значение действующего Закона, но не очерчен круг вопросов, который должен охватываться новым Законом. Отсутствуют модели механизмов действия политики. Отсутствует ориентация на диалоговые формы взаимодействия и сотрудничества. Авторы проекта искренне считают, что государство может обеспечить "защиту религиозных меньшинств и неверующих от

потенциальной дискриминации мажоритарными (имеющими в своем составе большую часть населения) религиями"⁶. Больше того, зона действий службы национальной безопасности вообще оказалась пропущенной. Но именно это ведомство и добивалось ужесточения статей преследований. Проект Концепции возложил на госкомиссию по делам религий не много и не мало, как "разрабатывать и осуществлять государственную политику в отношении религий и религиозных организаций". Естественной реакцией Правительства республики было освобождение председателя комиссии от должности и направление Концепции на доработку.

Проект закона Кыргызской Республики "О свободе вероисповедания и религиозных организациях" ввел статьи об альтернативной службе, об обучении граждан религии и другие статьи. Подчеркнута роль СМИ и религиозных организаций. Однако экономическая сфера отношений государства и религиозных организаций, в частности, отношения по поводу земли и специфических форм налогообложения так и остались нераскрытыми⁷. Не раскрыта возможная законотворческая роль

религиозных организаций. В частности, от исламских религиозных организаций Кыргызстана поступили предложения самого общего характера, не вошедшие в окончательную редакцию закона. А между тем, мусульманская правовая культура традиционно сильна в вопросах наследования, семейного права, в некоторых видах коммерческих и банковских сделок и, особенно, в благотворительной деятельности.

Эти примеры приведены для того, чтобы показать, что многие значимые документы, особенно в сфере религии, должны представлять собой договор (конвенцию) нескольких сторон, принятый путем консенсуса диалоговыми способами. Такие попытки есть, но они не вошли в повседневную практику. Только один пример: исламские учебные заведения не получили лицензию Министерства образования. Министерские чиновники не отваживаются взять на себя ответственность за учебные программы и не дают это сделать самим религиозным организациям. Причем формальным основанием является явно устаревший приказ министра образования 1995 года⁸.

Такой путь преодоления препон тяжел и извилист. Для развития диалоговых форм в Кыргызстане создана неправительственная организация "Общество по защите прав религиозных организаций". Президент — депутат ЖК Алишер Сабилов, вице-президенты

⁵ Гафурова С. Демографическая ситуация на Юге Кыргызстана. Круглый стол. Ош, 2001

⁶ См. Концепция государственной политики в отношении религии и религиозных организаций. Проект. 2001.

⁷ Проект Закона Кыргызской Республики "О свободе вероисповедания и о религиозных организациях" 2002.

Abad, 500 villagers rose against eight families who chose to belong to the Evangelical denomination.⁵ Unfortunately, these facts are being strongly politicized by the mass media, as well as various institutions responsible for public opinion.

Can there be a dialogue between the society and religious organizations? Policy swings in the field of religion.

Restrictions of religious freedoms in the name of national security are accounted for by the activities of international terrorists in South Kyrgyzstan, and thus are temporary measures. The campaign against religious radicalism was provoked by the demands of the power ministries to toughen up the articles of the Criminal Code and to amend the existing Law so that it could envisage additional repressive measures. But unfortunately, after the aggression was stopped and the Taliban forces defeated, the tendency and motivation to strengthen national security remained unchanged. The tendency to restrict religious freedoms could be, for example, discerned in the activity of the State Committee on Religious Affairs. It insists on the toughening of the regulations for the registration of religious organizations. A number of newspapers and periodicals label the unregistered religious organizations as illegal, which is not quite correct. These organizations belong to a so-called

"gray zone", which is not covered by any article of the existing legislation. The papers on religious organizations are often not politically correct.

The Draft Concept of the State Policy on Religion and Religious Organizations stresses the historic importance of the existing legislation, but the issues and questions the new Law should deal with are not clearly outlined. There are no policy implementation mechanisms in this Draft. Nor is there an intention to address the emerging issues through dialogue and cooperation. Those who authored the Draft are sincere in their presumption that the State is able to safeguard "the protection of the rights of religious minorities and non-believers against a potential discrimination by the religious majority, or the mainstream religion."⁶ To crown it all, the Draft says nothing on the definition of the field of activity of the National Security Ministry. Yet it was this very ministry that sought to toughen up the articles envisaging repressive measures. The Draft Concept overburdened the State Committee on Religious Affairs with an un-surmountable task "to work out and implement the state policy on religion and religious organizations". The dismissal of the

Chairman of the Committee and the return of the Draft for corrections was a natural reaction by the Government of Kyrgyzstan.

The Draft Law of the Kyrgyz Republic "On the Freedom of Religious Worship and Religious Organizations," includes articles on alternative army service, on the study of religion in education institutions, etc. It also underlines the role of mass media and religious organizations. Yet the Draft Law leaves out the economic aspect of relations between the State and religious organizations, in particular, the issues of land, property and specific forms of taxation.⁷ The possibility of law-making activity by religious organizations is not envisaged either. For instance, a lot of conceptual proposals submitted by various Islamic organizations were never included in the Draft Law. However, it is common knowledge, that the Muslim juridical tradition has been strong in civil record acts, such as in will and inheritance administration, family affairs, as well as in some commercial and banking deals, and, of course, charity activity management.

These examples are brought to show that many important documents, particularly, those dealing with religious affairs, should be adopted by consensus and through dialogue to eventually become an agreement (convention) signed by several parties. There are attempts to do this, but they have not yet become everyday practice. Just one

⁵ *Gafurova S. The Demographic Situation in South Kyrgyzstan. Round Table. Osh, 2001 (in Russian).*

⁶ *Draft Concept of the State Policy on Religion and Religious Organizations. 2001 (in Russian).*

⁷ *Draft Law of the Kyrgyz Republic "On the Freedom of Religious Worship and Religious Organizations", 2002 (in Russian).*

— Кимсанбайажы — Председатель ДУМК, и Александр Алянчиков — журналист. Цель общества — защита религиозной свободы. Основа действий — принципы толерантности⁹. К сожалению, духовное управление мусульман порой не поспекает за событиями. Слабо используются возможности Исламского Центра в г. Ош. Недостаточно развита благотворительность со стороны исламских организаций для заключенных, беспризорников и других нуждающихся групп населения страны.

В республике общественность не раз ставила вопрос о диалоге с “Хизб-ут-тахрир”. Недавно даже председатель Госкомиссии по делам религии господин Мамаюсупов высказался по этому поводу на страницах республиканской печати, но затем дезавуировал свое выступление, сославшись на то, что его якобы неправильно поняли журналисты. Главным препятствием для такого диалога служит конституционный запрет на регистрацию деятельности политических религиозных партий. На сегодня диалог с религиозной партией невозможен. Но он вполне возможен с непартийными религиозными организациями Кыргызстана.

Экспертная оценка развития исламских организаций Кыргызстана.

Социальная стабильность в Кыргызстане в настоящее время

находится под вопросом. Терпимость населения к социальным невзгодам в прошлые годы подпитывалась боязнью нестабильности, которую породили война в Таджикистане и угроза агрессии со стороны Афганистана. Сейчас крупные внешние угрозы сняты действиями стран антитеррористической коалиции. Но на будущее все более вероятен рост исламского радикализма на фоне обнищания широких масс населения. События в Ак-Сыйском районе показали отсутствие креатива и стереотипы действия властей. В связи с этим своевременными представляются действия по предотвращению социальных взрывов. Это лучше нежели ждать когда радикализм выльется в экстремистские формы. С ростом оппозиции, в том числе религиозной, власть продолжает бороться не эффективными авторитарными методами. А экстремистские организации используют современные сетевые технологии организации и управления. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри организаций значительно повышает их эволюционные возможности и адаптивность к принимаемым против них мерам. В Интернете

существуют сайты экстремистских организаций. Скажем, у талибов был <http://taliban.com>; у партии Хизбут-Тахрир есть сайты на кыргызском, узбекском, и русском языках — <http://www.hizb-ut-fahrir.org>; у Международного исламского фронта борьбы против иудеев и крестоносцев Усамы бен Ладена — <http://www.obm.clara.net/iif-main.htm>¹⁰. С этими материалами серверов из Великобритании знакомится молодежь. И делает соответствующие выводы для собственного самоопределения. С завершением антитеррористической акции в Афганистане, к сожалению, не сократились ни экстремизм, ни приток наркотиков и оружия. Есть много и других вопросов транснационального характера, которые нужно решать совместно. Потому так необходима общерегиональная стратегия преодоления нестабильности в Центральной Азии.

⁸ Иванова И. Свободомыслие в Кыргызстане: пути межрелигиозного диалога // Центральная Азия и культура мира, N1-2. 2000.

⁹ Сабиров А. О работе Общества по защите прав религиозных организаций. Круглый стол Института региональных исследований. 2002.

¹⁰ Игнатенко А. Зеленый интернетционал // НГ-Религия. 1999. 7 апреля.

more example, the Islamic education institutions were not given a license by the Ministry of Education. But Ministry employees do not venture to take responsibility to draft education programs and curricula, nor do they permit the religious organizations to do that. The formal argument behind it is the outdated decree (signed in 1995) of the Minister of Education.⁸

Thus this encounter with bureaucracy is thorny and full of obstacles. To bring in the culture of dialogue in Kyrgyzstan, an NGO, "The Society for the Protections of the Rights of Religious Organizations," has been established with MP Alisher Sabirov as its president, and Kimsanbayazhi, Chairman of the DMAK, and journalist Alexander Alyanchikov as vice-presidents. The goal of the Society is the protection of religious rights. Its activity is based upon the principle of tolerance.⁹ Unfortunately, the religious leadership of Muslims sometimes fails to keep pace with events. The Islamic Center in the city of Osh does not function to its full capacity. The charitable activity by the Islamic organizations to help convicts, vagrants and other needy groups of the population is not sufficiently developed.

The issue of a dialogue with "Hizb-ut-Tahrir" has been raised repeatedly in public discussions. Recently, the Chairman of the State Committee on Religious Affairs, Mr. Mamayusov shared his views on this issue in an inter-

view with a national newspaper only to later take back his words and claim that the journalist had misquoted him. The main obstacle to this dialogue is the constitutional ban on the registration of religious political parties. Today a dialogue with a religious political party is impossible. Yet it can be held with non-political religious organizations of Kyrgyzstan.

Expert analysis of the development of Islamic organizations in Kyrgyzstan

Social stability is currently a matter of doubt in Kyrgyzstan. People have endured social privations in recent years for fear of instability, caused by the war in Tajikistan and possible Afghan aggression. Now all imminent external threats have been lifted by the efforts of the anti-terrorist coalition. But the expansion of Islamic radicalism in the future is quite possible against the background of impoverishment of a large section of the population. The events in the district of Ak-Siy showed that the authorities lack creativity in their actions and are governed by stereotype

thinking. In this sense it would be more prudent to try to prevent social turmoil, rather than to wait until radicalism has assumed extremist forms. The authorities continue to fight the growing opposition, religious included, with authoritarian methods. Extremist organizations use modern technology and governance networks to carry out their plans. Sophisticated communications, and a strict division of personal risks within the organization, enhance their evolution capacities and help them adapt easily to the measures taken against them. There are web pages of extremist organizations on the Internet. The Taliban used to have <http://taliban.com>; Hizb-ut-Tahrir have web-sites in the Kyrgyz, Uzbek, and Russian languages, <http://www.hizb-ut-tahrir.org> ; <http://www.obm.clara.net/iif-main.htm>. belongs to the International Islamic Front against Jews and Crusaders headed by Osama Bin Laden.¹⁰ These web sites provided by servers from Great Britain are accessible to the younger generation, who might be influenced by the materials they find there. Unfortunately, upon the completion of the anti-terrorist campaign in Afghanistan, extremism did not cease to exist, neither did drug-trafficking and illegal arms sales. There are many other transnational issues that should be addressed jointly. This is why a regional strategy to overcome instability in Central Asia is a must today.

⁸ Ivanova I. *Free Thinking in Kyrgyzstan: A Path to Interregional Dialogue // Central Asia and the World Culture*, no. 1-2, 2000 (in Russian).

⁹ Sabirov A. *On the Work of the Society on Protection of the Rights of Religious Organizations. Round Table of the Institute of Regional Studies*, 2002 (in Russian).

¹⁰ Ignatenko A. *Green 'International' // NG-Religii (Nezavisimaya Gazeta supplement on religion)*, April 7, 1999 (in Russian).